

Кирмалов из рода Кира Мала

Летом 1850 года И.А. Гончаров получил трагическое известие из родного Симбирска. Его сестра Александра в 35 лет стала вдовой с шестью детьми на руках. Муж Александры Александровны, Михаил Максимович Кирмалов, был жестоко убит крестьянами в своём имении. Следственное разбирательство по факту убийства М.М. Кирмалова продолжалось почти два года. Трагедия нарушила мирное течение жизни в семье. Возможно, эти драматические события ускорили смерть матери писателя, Авдотьи Матвеевны. Она умерла 13 апреля 1851 года.

А.А. Кирмалова.
Фото. 1860-е годы. УКМ

Гончаров с большим сочувствием относился к сестре. У них были по-настоящему тёплые родственные отношения.

Иван Александрович постоянно переписывался с Александрой Александровной. К сожалению, сохранилась лишь малая часть этой переписки. Но даже обращение к сестре говорит о многом: «Саша», «Сашок», «Милый друг Александра Александровна»...

Пензенский дворянин Михаил Максимович Кирмалов женился на восемнадцатилетней сестре писателя Александре в 1833 году, когда Иван Александрович учился в Московском университете. Кирмалов был на 22 года старше жены. После свадьбы около десяти лет Кирмаловы жили в доме Гончаровых. В Симбирске родились четверо из шести детей Кирмаловых: Виктор (1834), Софья (1837), Владимир (1840), Николай (1842). В селе Хухорево родились дочери Екатерина (1845) и Варвара (1847).

И.А. Гончаров имел возможность присмотреться к своему зятю, так как после окончания Московского университета с июля 1834 года по апрель 1835 года жил вместе с Кирмаловыми в доме матери, служил в канцелярии симбирского губернатора А.М. Загряжского. В 1849 году, возвращаясь из симбирского отпуска в Петербург, Гончаров заезжал в Хухорево. Позже из Петербурга Гончаров прислал в подарок зятю статуэтки-карикуры работы Н.А. Степанова на себя и Ф.В. Булгарина. В письме к Михаилу Максимовичу Гончаров писал в несвойственной ему манере, по-видимому, подстраиваясь под стиль зятя: «Смотри-ка, смотри: эк как тебя дёрнуло, Михайло Максимович:

Дом Кирмаловых в с. Хухорево. Фото нач. XIX в. УКМ

целый лист написал! Да как сил стало? Зачем ты денег-то прислал? Ведь я же тебе подарил обе статуэтки. Особенно себя я не продаю: я только покупаю его, то есть себя... Фу-ты, как неловко сказать!».

Личность Кирмалова и связанная с ним семейная трагедия не оставляли Гончарова в последующие годы и, как говорил сам писатель, «силою рефлексии» могла отразиться в его творчестве. О зяте вспомнил Гончаров, когда читал роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». В Иудушке увидел он воплощённые черты Михаила Максимовича и об этом писал Салтыкову-Щедрина: «Я следил за одной такой, близко знакомой мне натурой, замкнувшейся в своём углу. Такой же любостяжатель, как Ваш Иудушка, и прелюбодей, не случайный, как Ваш герой, а всецельный и неуправляемый. Доведший до отчаяния и оттолкнувший жену, смотревший на своих детей, как на поросят, он только и делал, что отрезывал земельные клочки у мужиков да прохаживался по их женам и дочерям, переводя мужей и отцов, чтоб не мешали, в другие свои дальние деревни. Все от него отступились, и чужие, и свои, но он крепко и несмущаемо жил в своём захолустье, и сам мне говорил (я провёл два дня случайно в его углу), что на него очень зlobны мужики и дворян — и, пожалуй, не прочь «сбить» его, «да я им покажу!» — заключил он».

В Кирмалове писатель увидел воплощение абсолютного зла, не обладающего силой и возможностью полной реализации, но способного создать во-

круг себя атмосферу зла. Подобный тип человека и был воплощён Гончаровым в образе Михея Андреевича Тарантьева в романе «Обломов». Этот герой, по словам автора, «носил и сознавал в себе дремлющую силу, запертую в нём враждебными обстоятельствами навсегда, без надежды на проявление, как бывали запираемы, по сказкам, в тесных заколдованных стенах духи зла, лишённые силы вредить. Может быть, от этого сознания бесполезной силы в себе Тарантьев был груб в обращении, недоброжелателен, постоянно сердит и бранчив».

Гончаров рассказывает в романе короткую историю формирования личности Тарантьева. Отец его, «провинциальный подьячий старого времени», определил и сыну идти его дорогой и стал передавать сыну «искусство и опытность хождения по чужим делам». Но Тарантьев не успел применить науку отца на деле. После смерти отца он был увезён неким благодетелем в Петербург и определён в писцы. Гончаров отмечает в романе, что Тарантьев так «и остался только теоретиком на всю жизнь. В петербургской службе ему нечего было делать <...>, с тонкой теорией вершать по своему произволу правые и неправые дела...». Тарантьев играет важную сюжетобразующую роль в романе. Он и «братец» Агафьи Матвеевны — Иван Матвеевич, пожалуй, самые отрицательные из гончаровских героев. Они сумели обвести вокруг пальца доверчивого Илью Ильича Обломова и обирали его долгое время. Но всё-таки у Ивана Матвеевича Мухоморова, тоже

прожжённого чиновника и проходимца, в глубине души осталась капля совести. После того как Штольц расстроил их совместную с Тарантьевым авантюру с заёмным письмом на Обломова, Тарантьев предложил обобрать Агафью Матвеевну. В ответ «Мухоморов вынул из кармана заёмное письмо на сестру, разорвал его на части и подал Тарантьеву. — На, вот, я тебе подарю, не хочешь ли? — прибавил он. — Что с неё взять? Дом, что ли, с огородишком? <...> Да что я, нехристь, что ли, какой? По миру её пустить с ребятишками?». Именно Тарантьев вывел из себя кроткого и добродушного Обломова. Гончаров так изобразил эту сцену:

« — Тарантьев! — грозно крикнул Обломов.

— Что кричишь-то? Я сам закричу на весь мир, что ты дурак, скотина! — кричал Тарантьев. — Я и Иван Матвеевич ухаживали за тобой, берегли, словно крепостные служили тебе, на цыпочках ходили, в глаза смотрели, а ты обнёс его перед начальством: теперь он без места и без куска хлеба! Это низко, гнусно! Ты должен теперь отдать ему половину состояния; давай вексель на его имя: ты теперь не пьян, в своем уме, давай, говорю тебе, я без того не выйду...

— Что вы, Михей Андреевич, кричите так? — сказали хозяйка и Анисья, выглянув из-за дверей. — Двое прохожих остановились, слушают, что за крик...

— Буду кричать, — вопил Тарантьев, — пусть срамится этот олух! Пусть обдурит тебя этот мошенник немец, благо он теперь стакнулся с твоей любовницей...

В комнате раздалась громкая оплеуха. Поражённый Обломовым в щеку, Тарантьев мгновенно смолк, опустился на стул и в изумлении ворочал вокруг одуревшими глазами. <...>

— Вон, мерзавец! — закричал Обломов, бледный, трясясь от ярости. — Сию минуту, чтоб нога твоя здесь не была, или я убью тебя, как собаку!

Он искал глазами палки.

— Захар! Выбрось вон этого негодяя, и чтоб он не смел глаз казать сюда! — закричал Обломов.

— Пожалуйте, вот вам бог, а вот двери! — говорил Захар, показывая на образ и на дверь. <...> После этого Тарантьев и Обломов не видались более».

Биографов и исследователей творчества романиста привлекала фигура Михаила Максимовича Кирмалова. Отмечали, что трагедия, произошедшая в семье Кирмаловых, определённым образом повлияла на изменение замысла «Обломова», усилив антикрепостническую направленность романа. П.С. Бей-

сов в книге «Гончаров и родной край» дал обзор основных документов уголовного дела об убийстве М.М. Кирмалова. Он также высказал предположение, что хухоревские наблюдения писателя легли в основу описания русского помещика и жизни русского имения во «Фрегате “Паллада”».

Стараниями научного сотрудника музея И.А. Гончарова Ю.М. Алексеевой и В.В. Кирмалова (потомка дяди М.М. Кирмалова – Фёдора) были выявлены новые архивные материалы о роде Кирмаловых. Владимир Васильевич Кирмалов жил в Пензе, одно время работал в Пензенском областном архиве. Он серьёзно занимался родословной своей семьи, архивными находками о симбирской ветви Кирмаловых делился с сотрудниками гончаровского музея в Ульяновске.

Среди потомков А.А. Кирмаловой до сегодняшних дней сохранилось предание о татарском происхождении их рода. Они вели родословную от Кира Малого – татарского князя или мурзы, пришедшего в Россию с ханом Батыем. В.В. Кирмалов высказывал предположение о мордовском происхождении их рода, что фамилия Кирмаловых пошла от названия села Карамалы Никольского района Пензенской области. Это старинное мордовское село упоминается в документах с 1688 года. Местная мордва производит название от слова «карамо» – ртыё, «ало» – внизу, нижний ров, овраг.

Самый старинный документ из выявленных В.В. Кирмаловым в пензенском архиве датируется 1701 годом. Это составленные по распоряжению боярина Бориса Алексеевича Голицына мерные книги пензенских земель. В мерных книгах упоминается Пётр Тимофеев сын князь Кирмалов, кото-

рый в 190 (1682) и 191 (1683) годах в числе прочих мордовских и татарских мурз принял христианскую веру в Кадомском уезде. Ему была дана земля в Пензенском уезде на речке Качим. Документ наглядно показывает, что Кирмаловы были вовлечены в водоворот исторических событий, происходивших в Пензенском крае в XVII веке. В те времена порядок землепользования и землевладения служилыми мурзами определялся Соборным уложением 1649 года, в соответствии с которым земля закреплялась только за несущими воинскую службу. В 1681–1682 годах шёл активный процесс христианизации служилых мурз. Именно в это время и был крещён Пётр Тимофеевич Кирмалов. Часть принявших христианство служилых мурз сохранила свой статус и позднее интегрировалась в дворянство, у большинства же изменилось экономическое и правовое положение, и они вошли в состав крестьянства. Эта тенденция закреплялась указами Петра I. Исполняя волю царя, боярин Голицын приказывает составить мерные книги и отметить, кто из служилых людей, а кто из ясашных, то есть плательщиков государственного налога общего характера, взимавшегося в царской России с народов Поволжья.

К сожалению, этот документ не вносит ясность в вопрос о национальной принадлежности рода Кирмаловых. Из исторической литературы известно, что титул мурзы носили лишь представители знати татар-мусульман в Золотой Орде и в образовавшихся после ее распада татарских ханствах. Однако в документах XVII–XVIII веков встречаются и мордовские мурзы, несшие, как правило, станичную службу. Наверняка титул мурзы был распространён русским правительством на служи-

лую мордовскую знать по аналогии с татарскими мурзами, т. к. в XVII веке российское законодательство, видимо, несильно различало в правах служилых иноверцев Поволжья. В 1718 году все они были причислены к ведомству Адмиралтейской канцелярии.

Термин «мордовские князья» в русских источниках XVII века не встречается, а в документах более раннего периода он означал владельцев татарских князей, взимающих ясак с мордвы, покорённой Батыем. Даже крестившиеся потомки не носили личного княжеского титула, он писался только перед фамилией, а не перед именем. Исходя из всего сказанного, можно сделать предположение, что Кирмаловы действительно происходили от татарского мурзы Кира Малого, собиравшего ясак в Поволжье. Его потомки осели на мордовских землях и в XVII веке перешли на службу к русским государям.

В архиве Пензенской области хранится роспись рода Кирмаловых, где представлены четыре поколения. В первом поколении (середина XVII века) указан только Тимофей. О нём нет никаких сведений, кроме того, что у него было три сына: Пётр, Иван, Лаврентий.

Во втором поколении и представлены Пётр, Иван и Лаврентий Тимофеевичи. О Петре Тимофеевиче говорилось в документе выше. Можно только дополнить, что, вероятно, он умер бездетным и его наследниками стали братья Иван и Лаврентий. О Лаврентии Тимофеевиче нет никаких других сведений. Иван Тимофеевич, будучи отставным драгуном, к доставшейся ему по наследству от брата Петра земле прикупил в декабре 1732 года землю в селе Архангельское Пензенского уезда.

К третьему поколению относятся сыновья Ивана Тимофеевича – Кондратий, Семён, Трофим и Григорий. Семён и Кондратий Ивановичи «по желанию их положены в подушный оклад». Кондратий «вышел Симбирского наместничества Самарской округи в село Каменку на казённую землю». О Григории нет никаких сведений.

Больше всех известно сведений о Трофиме Ивановиче (предке зятя писателя по прямой линии). Сохранилась копия документа (указа), выданного Государственной военной коллегией, что Трофим Кирмалов 3 февраля 1750 года подал в военную канцелярию прошение об отставке. При этом он показал, что «от роду ему 65 лет, в службе с 1719 года, из дворян, определён в Ямбургский драгунский полк, в драгуну, был капралом, подпрапорщиком,

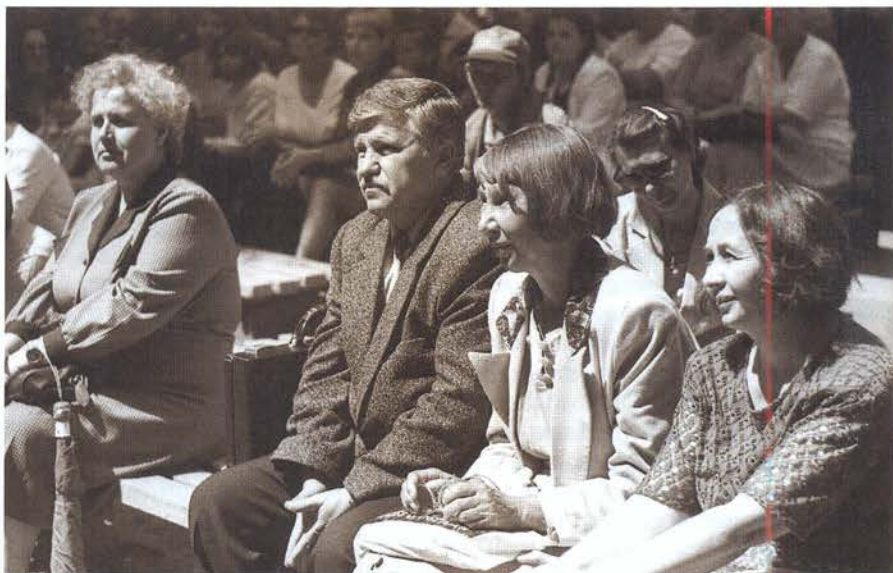

Слева направо: Лариса, Елена, Галина, Нина Кирмаловы. 1984

каптенармусом, 15 июля 1736 года произведён в ротные квартирмейстеры. В походах безотлучно, принимал участие в шведской войне. Помещик Пензенского уезда, душ мужеского полу за ним не имеется, а имеет поместную землю. По отставке желает в дом». Трофим Кирмалов представил следующее заключение медицинской конторы: «на правом глазу имеет бельмо, а левым глазом худо видит, правая нога от застарелых цынготных ран вся высохла, ею плохо владеет. И затем ни в какой службе и удел быть не способен». Впечатлённая таким медицинским свидетельством «Императорского величества Государственной военной коллегии контора общесоборанным генералитетом приказала оного ротного квартирмейстера от военной и штатской службы отставить и отпустить в дом его. В доме его и в пути ему Кирмалову обид и утеснений не чинить, но за его службу показывать всякое благодеяние разным образом. И ему Кирмалову поступать тако же. Платье носить немецкое, бороду брить, ходить при шпаге или при кортике». После отставки у Трофима Кирмалова родились два сына: Фёдор (1756) и Максим (1760).

В четвёртом поколении представлены: сын Семёна Ивановича – Иван, о котором известно только, что он был однодворцем, то есть владельцем небольшого (в один двор) земельного участка и сам на нем работающий. Сын Григория Ивановича – Михаил упоминается в документах как драгун и других сведений о нём нет; два сына Трофима Ивановича – Фёдор и Максим. Фёдор и Максим Трофимовичи в 1791 году обратились в Дворянское собрание с просьбой выдать им дворянскую грамоту и представили сведения о себе.

Фёдор Трофимович – «недоросль, чина не имеет, не служащий, жительство имеет в селе Сыромяс, Городищенской округи; совместно с братом Максимом владеет землёй в селе Архангельском Качим тож Пензенского наместничества Городищеской округи, женат на дворянке Марине Пантелеевой, имеет двух дочерей – Марину и Агафью». Максим Трофимович – «губернский регистратор в Городищенском уездном суде, жительство имеет в г. Городище, женат на дворянке Дарье Алексеевой, имеет двух дочерей – Настасью и Евгению». Из документов следует, что только Фёдор и Максим Трофимовичи смогли закрепить за собой и своими потомками дворянство. В фондах музея И.А. Гончарова хранит-

В.В. Кирмалов и Ю.М. Алексеева на Гончаровском празднике. Ульяновск. 2002

ся Дворянская грамота, пожалованная свёкру сестры писателя Максиму Трофимовичу Кирмалову в 1793 году.

Его сын Михаил Максимович (он являлся представителем пятого поколения) также служил с 1815-го по 1824 год в 15-м Егерском полку, дослужился до чина капитана. Выйдя в отставку, он продолжил службу дворянским заседателем в Городищенском земском суде, затем в Симбирской казённой палате. На момент женитьбы на сестре писателя Михаилу Максимовичу принадлежало 15 душ крестьян в селе Сыромяс в Городищенском уезде Пензенской губернии. В 1836 году А.А. Кирмаловой от крёстного отца Н.Н. Трегубова досталась часть его имения в селе Хухорево Ардаатовского уезда (69 душ с землёю) и 11 душ в селе Покровском того же уезда. Другую часть Хухорева в 1838 году она купила у Болтиных (185 душ с землёю) за 56 тысяч рублей. В январе 1837 года Н.Н. Трегубов продал А.А. Кирмаловой землю и 6 душ крестьян в деревне Михайловке Ардаатовского уезда. Тогда же Александра-Александровна дала мужу доверенность на управление имением и хозяйственных дел не касалась. Всего в 1850 году у А.А. Кирмаловой значится в залоге в Московском опекуновском совете 250 душ и 980 десятин земли. Кирмалов продолжал преумножать свою собственность. В Пензенской палате гражданского суда хранится документ: «Лета 1850 года января в двадцатый день из дворян канцелярист Михаил Осипович Романов продал надворному советнику Михаилу Максимовичу Кирмалову, <...> состоящих Пензенской губернии Городищенского уезда в селе Сыромяс по 8-й ревизии мужеска пола одиннадцать и женска десять душ <...> с прилежащею к ним землёю <...> и всеми угодьями, всего сто двадцать пять десятин со всем

крестьянским имуществом <...> ценою тысяча сто сорок три рубли серебром».

В.В. Кирмалов вспоминал слова бабушки о том, что был «в нашей родне большой человек Мишка, который в своё время купил много земли в Русском Сыромясе». Михаил Максимович, видимо, стал единственным представителем семьи, который перешёл из мелкопоместных в среднепоместные помещики.

В 1841 году Кирмалов вышел в отставку в чине надворного советника, и семья Кирмаловых обосновалась в барском доме в Хухорево. М.М. Кирмалов был убит собственными крестьянами 27 июля 1850 года. В это время Александра Александровна со старшими детьми находилась в Симбирске. После трагической смерти мужа её постоянным местом жительства стало село Хухорево. Там Кирмаловы жили до 1918 года. Своим детям Александра Александровна постаралась дать хорошее образование: сыновья учились в университете, дочери – в московском пансионе. Неоднократно в публикациях современниками отмечался значительный вклад членов этой семьи в формирование гончаровской коллекции в родном городе писателя, в организацию и участие гончаровских юбилеев. Многие ульяновцы помнят сестёр Кирмаловых из Нижнего Новгорода – Нину Борисовну, Галину Борисовну, Елену Борисовну. Они часто приезжали в город в дни рождения писателя, выступали на гончаровских праздниках. В настоящее время представители рода Кирмаловых живут в разных городах России, а некоторые представители самого молодого поколения – в Германии.

Антонина Лобкарёва,
научный сотрудник
ИИЦМ И.А. Гончарова